

О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации Красильниковой Екатерины Ивановны «Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Диссертационное исследование Е.И. Красильниковой свидетельствует об усиливающемся стремлении российских историков к изучению проблем социальной памяти.

Не подлежит сомнению то, что на защиту выносится исследование, отвечающее тем высоким профессиональным требованиям, которые предъявляются к диссертациям данного ранга.

Актуальность проведенного исследования определяется представленным научному сообществу анализом содержания и средств советской политики памяти в 20-30-х гг. XX в.

Не вызывает сомнений новизна исследования, которая определяется автором как комплексное изучение динамики основных коммемораций в административных центрах Западной Сибири, а также введением в научный оборот большого количества архивных документов и нарративных источников.

Важно отметить выбор автором оптимальной для данного исследования структуры работы, точную и рациональную постановку исследовательских задач, применение адекватных задачам методов анализа источников, самостоятельность и обоснованность как отдельных оценок, так и выводов, частных и общих.

Объективными представляются историографическая характеристика состояния изученности поставленной проблемы, а также оценка источников.

Достоверность полученных результатов, выводов, гипотез, сформулированных Е.И. Красильниковой в главах и в заключении, ценность их для науки и практики убедительно обоснованна и не подвергается нами сомнению. На наш взгляд, достигнута основная цель исследования и решены задачи, сформулированные автором во введении.

В главах 2 и 3 автор приводит документальные свидетельства того, что советской власти часто были безразличны реальные детали жизни и смерти героев и жертв революции и гражданской войны. Е.И. Красильникова делает обоснованное заключение, что власти предпочитали сохранять память не о реальных событиях и людях, а об идеологических символах. Что, решая эту задачу, они не останавливались даже перед прямыми подтасовками, например, намеренно добавляя к демонстрируемым публике телам жертв «колчаковщины» погибших колчаковцев.

В исследовании точно подмечено, что советские памятники изучаемого периода продвигали абстрактные идеи, увековечивали подвиги абстрактных масс, обезличивая подвиги и жертвы конкретных людей, что в реальности приводило к забвению погибших. Даже массовые жертвы мемориалов не удостаивались, память о них стиралась. Вытеснение из местного календаря памятных дат, связанных с локальными событиями, в том числе, с гражданской войной, замена их празднованием общесоюзных дат и успехов страны, также вело к забвению местных жертв и героев.

Вполне убедительны выводы диссертанта о том, что памятные мероприятия, в частности, прощание с вождями и их поминовение, начиная с середины 1920-х гг. довольно быстро стандартизировались, приобрели довольно четкие каноны, во многом утратили живую эмоциональность, превратились, по существу, в элементы кампаний социальной мобилизации (с.270-271), что похороны более-менее значимых людей во многом перестают быть частным делом семьи (с.292), что «ме-

мориализация Ленина стала ... первым явным шагом к постепенному забвению жертв «колчаковщины» (с.302).

Автору удалось провести объективный анализ преемственности и изменчивости коммемораций, в том числе, изменений дореволюционной традиции включения в политические праздники элементов религиозных, превращающих его в священнодействие.

Особый интерес представляют наблюдения диссертанта за видоизменением праздничных коммемораций. В главе 4 осуществляется реконструкция процесса трансформации памятных дней, первоначально становившихся поводом вспомнить о местных трагедиях и героях, к поводу прославления вождей и празднованию современных успехов. В частности, удачно показано видоизменение Октябрьских торжеств, которые изначально «рассматривались советской властью в качестве одного из основных каналов трансляции политики памяти», в § 4.1 описывается как на фоне утраты альтернативных нарративов революции формировался четкий искусственный нарратив.

Обоснованы и доказаны на эмпирическом материале главы 5 авторские выводы о том, что в исследуемый период происходит идеологизация, стандартизация и вульгаризация музейной деятельности. В конечном счете, музеи, в основном, утрачивают функции репрезентации памяти о локальной истории, предлагая посетителям выверенный набор однообразных нарративов. При этом автору удалось высветить общие и особенные черты в деятельности музеев четырех западносибирских городов.

Не вызывают сомнений выводы автора, что «успешность развития отдельных музеев как памятных мест зависела, прежде всего, от личных инициатив музейщиков» (с.448).

Органически связаны с контекстом работы приложения, где сконцентрирован большой вспомогательный, в большей части, визуальный

материал по теме диссертации. Приложения имеют самостоятельное научное значение.

Высоко оценивая результаты исследования, проведенного Е.И.Красильниковой, следует отметить определенные его недостатки.

В частности, описывая территориальные рамки исследования (с.11), автор вполне убедительно обосновывает выбор Томска, Омска, Новосибирска и Барнаула. Однако остается неясным, почему Тюмень выпадает из числа исследуемых административных центров Западно-Сибирского региона.

Не представляются убедительными утверждения автора о том, что осенью 1923 г. эсеры рассматривались «как серьезная контрреволюционная сила» (с.242). Очевидно, что после тотальных арестов эсеров, в том числе бывших, в годы гражданской войны и в 1921-1922 гг., после идейной дискредитации партии и, наконец, после ее «самоликвидации» под контролем ГПУ весной 1923 г., для большевистских руководителей эсеры уже не представляли сколько-нибудь значимую силу. Конечно, чекистские сводки 1923 года могли содержать сентенции о значимости эсеровского влияния на массы. Однако, учитывая типичное для спецслужб стремление к преувеличению опасности, не следует полностью доверять источникам такого рода.

Спорным представляется умозаключение автора о существенной связи резкого роста количества людей, пожелавших вступить в партию в марте 1924 г., с реакцией экзальтированных масс на смерть В.И.Ленина. Конечно, отрицать такого рода мотивацию нельзя. Однако, вряд ли можно игнорировать устоявшееся в современной историографии представление о ведущей роли политических и административных механизмов в организации «Ленинского призыва». В частности, давно известно, что решение о массовом наборе в РКП(б) рабочих «от станка» было принято на XIII партконференции за несколько дней до смерти Ленина.

К разряду неудачно сформулированных можно отнести один из выводов по § 5.1: «благодаря способности обновленной команды конца 1930-х – начала 1940-х гг. следовать официальным типовым инструкциям и при этом находить возможности репрезентировать в музейном пространстве местное историческое прошлое можно признать, что омский музей довольно успешно справлялся с общей кризисной ситуацией» (с.394-395). Очевидно, что саботировать выполнение директив музейные работники не могли. Описанную автором картину репрезентаций прошлого в Омском музее в 1930-е гг. трудно назвать преодолением кризиса, даже учитывая некоторое количество сюжетов, посвященных локальной истории (судя по описанию, небольшое).

Подчеркнем, что отмеченные недостатки носят частный характер. Содержащийся в диссертации и опубликованный автором богатейший фактический материал позволяет получить достаточно полное представление о динамике основных коммемораций в административных центрах Западной Сибири в 20-30-х гг. прошлого столетия.

Основные результаты диссертационной работы нашли отражение в публикациях, список которых приводится в автореферате. Содержание автореферата соответствует основным положениям текста рукописи диссертации.

Работы Е.И. Красильниковой могут быть использованы для углубленного изучения отечественной истории советского периода, подготовке научных и научно–популярных трудов, в преподавании вузовских курсов по новейшей истории России, в просветительской работе.

В целом представляется, что диссертационное исследование Е.И. Красильниковой является самостоятельным научным исследованием, в рамках которого решена важная задача, имеющая значение для развития отечественной истории, по ряду объективных и субъективных причин остававшаяся до недавнего времени вне поля зрения исследова-

телей. По своим задачам, содержанию и использованным методам диссертация полностью соответствует специальности 07.00.02 Отечественная история и предъявляемым к докторским диссертациям требованиям п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 г. Ее автор, Красильникова Екатерина Ивановна, заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 - Отечественная история.

Профессор, зав. кафедрой новой и новейшей истории России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», доктор исторических наук

Суслов Андрей Борисович

614000, г.Пермь, ул.Сибирская, 24; Тел.: (342)2386353;

e-mail: absuslov(a)gmail.com